

Д.И. ПИСАРЕВ
(1840—1868)

Московские мыслители
(Критический отдел «Русского вестника» за
1861 год)

<...> В первой же книжке «Русского вестника» за 1861 год, в статье «Несколько слов вместо современной летописи» редакция отнеслась очень сурово к тем журналам, «где с тупым доктринерством или с мальчишеским забиячеством проповедывалась теория, лишаящая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью все литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на название национального поэта, а Гоголю оказывалось снисхождение только за его сомнительное свойство обличителя» (с. 480). Этих уголовных преступников против законов эстетики и художественной критики редакция «Русского вестника» обещала преследовать со всею надлежащею строгостью. «Мы не откажемся также, — говорит она, — от своей доли полицейских обязанностей в литературе и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек; но будем заниматься этим искусством не для искусства, а в интересе дела и чести» (с. 484). Не могу удержаться, чтобы в этом месте не заявить «Русскому вестнику» моего полнейшего сочувствия; великие истины понятны и доступны каждому, начиная от развитого деятеля науки и кончая

простым, бедным тружеником; ловить беспутных бродяг и воришек из любви к искусству не согласится не только редактор «Русского вестника», но даже и простой хожалый; даже и тот понимает, что этим искусством надо заниматься в интересе дела, т.е. чтобы подумать казенный паек и жалование, или в интересе чести, т.е. чтобы дослужиться до унтер-офицерских нашивок. Конечно, редакция «Русского вестника» понимает интересы дела и чести не совсем так, как понимает их хожалый, может быть, даже не так, как понимает их английский полисмен; масштабы не те; между хожалым, сажающим в будку бездомного пьяницу, и русским ученым, издающим уважаемый журнал и принимающим на себя, в интересе дела и чести, свою долю полицейских обязанностей в литературе, лежит, конечно, неизмеримое расстояние, неизмеримое до такой степени, что бедный хожалый, не привыкший группировать явления и сортировать их по существенным признакам, никогда не дерзнул бы подумать, что между ним и редактором ученого журнала есть так много общего. Признаюсь, я в этом отношении разделял неведение хожалого; я до сих пор думал в невинности души, что между обязанностями хожалого и занятиями литератора нет ни малейшего сходства.

<...> «Русский вестник» из кожи вон лезет, чтобы как-нибудь поубийственнее побранить кого-нибудь из литераторов, пишущих в «Современнике»; где можно зацепить полицейскою алебардою двоих или троих разом, там он цепляет; где надо для большей силы обвинения прибавить, там он прибавляет; где надо прикинуться наивным, там он наивничает с неподражаемою естественностью. Почему и для чего он так поступает — не знаю. Что нам за дело до

побуждений, руководящих г. Катковым, что нам за дело до степени его искренности? Мы видим результаты; эти же результаты видит общество, испытывающее на себе их влияние в том или в другом направлении; об этих результатах и следует говорить, нимало не пускаясь в психологические изыскания.

Может быть, редакция «Русского вестника» за свои убеждения готова (выражаясь высоким слогом) излить последние капли своей благородной крови, а может быть и то, что она проводит не свои идеи по разным, нелитературным расчетам. В первом случае редакция «Русского вестника» только заблуждается; во втором — она действует неискренно; но в том и другом случае результат выходит один и тот же: под зеленоватою оберткою «Русского вестника» появляются статьи, толкующие вкривь и вкось о таких вопросах, на которых сходятся между собою все сознательно-честные люди в России; эти статьи с насмешкою и с порицанием относятся к стремлениям и к мыслям, выражаемым этими сознательно-честными людьми; с уважением и с подобострастием говорят они о том, что эти люди считают старым хламом; болгаринские тенденции скрываются в этих статьях под неясными терминами и оборотами, которыми любит драпироваться сомнительная ученость людей, не умеющих переварить в своей голове набранный запас сырых материалов и фактов.

<...> Г. Гроту захотелось бы, чтобы все наши писатели, при спорах между собою, все-таки сулили друг другу лавровые венки и говорили друг о друге в печати таким образом: «Почтенный автор в своей прекрасной статье, которой основную мысль мы, однако, осмелимся найти не вполне справедливою, доказывает со свойственным ему остроумием» и т.д. Да, во время оно, когда писатели

говорили между собою таким языком, уцелевшим теперь только в официальных изданиях ученых обществ, было приятно и душеспасительно заниматься литературою. Теперь обмен сладостей между писателями сделался невозможным; одна часть русских литераторов превратилась, по словам «Русского вестника», в бродяг и воришек; другая, к которой не без самодовольства примыкает «Русский вестник», поступила на службу в литературную полицию.

<...> я дам себе право обратить внимание <...> на то поразительное бессилие, на ту печальную безжизненность, которые обнаруживаются в критике «Русского вестника». У нее есть только один *mot d'ordre*: преследование свистунов, когда она заговорит о свистунах, тогда она сколько-нибудь оживляется, начинает браниться, смеяться принужденным смехом, вздыхать о горькой участи русской литературы. Все эти различные оттенки негодования остаются нам довольно непонятными в своей исходной точке, в побудительной причине; все эти проявления возмущенного нравственного чувства похожи скорее на лирические излияния, чем на солидные выражения продуманных убеждений; в них авторы статей выражают свои собственные чувства и не стараются поднять себя на высоту невозможной и неестественной объективности, которая, как две капли воды, похожа на отсутствие собственного убеждения, на добровольное или вынужденное критическое молчалинство. Там, где речь идет не о свистунах, там критические статьи «Русского вестника» состоят из выписок, из вариаций на эти выписки, из библиографических или биографических указаний и из фраз, более или менее лестных для автора разбираемой книги. Часто в его рецензиях видно много эрудиции, часто они представляют очень тщательный

разбор очень мелких фактов, но при этом общая идея автора всегда ускользает от рецензента и никогда не наводит его на критические размышления. Мысль расплывается в бесцветных фразах или задыхается под грудой мелких фактов.

<...> Пора, давно пора кончить. Надеюсь, что нам не придется больше встречаться с «Русским вестником» на поприще журнальной полемики; мы расходимся так сильно в мнениях и наклонностях, что мы можем прожить целый век, не встречаясь между собою, не пробуя до чего-нибудь договориться и не чувствуя ни малейшего желания сблизиться между собою на каком бы то ни было вопросе.

*Писарев Д.И. Соч. В 4 т.
М., 1956. Т. 1. С. 274-319.*